

Аладина А.А.,
Минайдарова М.Е.,
Свидова Н.В.

Синтаксис притчевого текста

Статья посвящена выявлению лингвистических особенностей притчевого текста. Известно, что термин «притча» является многозначным. Авторы опираются на дефиницию притчи, данную С. Аверенцевым, как наиболее емкую и исчерпывающую. Цель статьи – описать способы синтаксической организации авторской притчи на материале притчевого текста В. Распутина. Актуальность исследования объясняется тем, что изучение синтаксиса писателя как творческой личности является проблемой, в которой лингвистический аспект тесно смыкается с аспектом эстетическим. Синтаксис является необходимой организующей частью художественного текста. Через структуру предложения, его объем, способы его распространения и членения, а также через характер и способы сочетаний предложений друг с другом прослеживается индивидуальный почерк художника. Анализ синтаксиса притчи В. Распутина показал, что в авторском тексте притча приобретает символическую глубину и многозначность, вступая во взаимодействие с элементами иных жанровых образований. Притча В. Распутина несет скрытый нравственный потенциал, для восприятия которого требуется работа мысли читателя, его и интеллектуальное усилие.

Ключевые слова: притча как нравоучение, притча как иносказание, притча как образное обобщение действительности, каноническая или сакральная притча, авторская притча.

Aladina A.A.,
Minaidarova M.E.,
Svidova N.V.

The syntax of the text

The article is devoted to the exposure of linguistic features of a parable text. The term «parable» is polysemantic. The authors refer to the definition of parable, given by S. Averentsev as most entire and exact. The aim of the article is to describe the methods of syntactic organization of author's parable on the basis of a parable text by V. Rasputin. The topicality of the given research work is explained by the fact that studying the syntax of a creative writer is a problem, where the linguistic and aesthetic aspects bind together. Syntax is an important part of a text. The writer's individual style is observed through the sentence structure, its stretch, the ways of segmentation, as well as through the sequences of sentences. The syntax analysis of Rasputin's parable shows that it requires a symbolic depth and versatility. Rasputin's parable contains some hidden moral potential to acquire which readers need have some intellect and brain work efforts.

Key words: parable as a moral, a parable as an allegory, a parable as a figure of generalization of reality, the canonical, or sacred parable, parable of the author.

Аладина А.А.,
Минайдарова М.Е.,
Свидова Н.В.

Нақыл мәтіндердің синтаксисі

Мақала нақыл мәтіндердің лингвистикалық ерекшеліктерін анықтауға арналған. «Нақыл» термині көп мәнді екені белгілі. Авторлар С. Аверенцев берген нақыл дефинициясына сүйенеді. Мақала мақсаты – В. Распутиннің нақыл мәтін материалы негізінде авторлық нақылының синтаксистік ұйымдастырылу тәсілдерін сипаттау. Зерттеу өзектілігі: жазушы синтаксисін шығармашыл тұлғасы ретінде зерттеу мәселе болып табылады. Онда лингвистикалық аспектісі эстетикалық аспектісімен тығыз байланысады. Синтаксис көркем мәтіннің қажетті ұйымдастырушы бөлігі болып табылады. Сөйлем құрылымы, оның көлемі, оның таралу және мүшелену амалдары, сонымен сөйлемдердің бір-бірімен үйлесу сипаты мен амалдары арқылы суретшінің жеке қолтаңбасы байқалады. В. Распутин нақылдары синтаксисін талдау авторлық мәтнінде нақыл басқа жанрлық жаңашылдықтар элементтерімен өзара әрекетке түсіп, символдық тереңділік пен көп мәнділікті иеленетінін көрсетті. В. Распутиннің нақылы жасырын адамгершілік әлеуетіне ие, оны қабылдау үшін оқырманның ой жұмысы, оның зияткерлік күш салуы қажет.

Түйін сөздер: астарлы әңгіме ретіндегі насихат, астарлы әңгіме ретіндегі тұспалдау, астарлы әңгіме ретінде бейнелік қорыту шындыққа, канондық тарату, немесе қасиетті астарлы әңгіме, авторлық астарлы әңгіме.

СИНТАКСИС ПРИТЧЕВОГО ТЕКСТА

В последнее десятилетие жанр притчи вызывает большой интерес исследователей. Сам термин «притча» является многозначным, причем эта многозначность была заложена еще в древнейшие времена. Притчи входят в состав самых различных явлений культуры. Они широко представлены как в древнерусской литературе, так и в современной. Характеризуя поэтику древнерусской литературы, академик Д.С. Лихачев отмечал, что притча является особым жанром, в котором в аллегорической форме преподносится нравоучение читателям. Притча говорит не о единичном, а об общем, постоянно случающемся [1, 189 – 200]. Д.С. Лихачев считает, что для Древней Руси она имеет еще библейское происхождение.

В лингвистической литературе принято деление притчи на сакральную и авторскую. Они имеют различные субъекты и предикаты. Так, если субъект сакральной притчи – рассказ о действительности, которая не имеет ни территориальных, ни темпоральных примет, а предикат – аллегория, в которой содержится назидание религиозного характера, то субъектом авторской притчи является рассказ о действительности, в которой действуют конкретные персонажи, а предикат – назидание в аллегорической, иносказательной форме. Т. Давыдова и В. Пронин, изучая лингвистические особенности притчи, отмечают такую ее особенность, как «параболическое развитие мысли»: «Мысль движется как бы по кривой, начинаясь и заканчиваясь одним предметом, а в середине удаляясь совсем, казалось бы, к другому объекту» [2, 197].

Притчи невелики по объему, но чрезвычайно емки и выразительны, именно поэтому этот жанр широко используется известными писателями. Причина востребованности притчи в самой ее сути: она помогает разъяснить нечто сокровенное, основополагающее. Войдя в текстовое пространство современных авторов, притча дала широкий спектр модификаций. Емкое определение притчeveго текста делает С. Аверинцев: «Притча – дидактико-аллегорический жанр, в основных чертах близкий к басне. В отличие от нее притча: 1) не способна к обособленному бытованию и возникает в некотором контексте, в связи с чем она допускает отсутствие развитого сюжетного движения и может редуцироваться до простого сравнения, сохраняя, однако,

особую символическую наполненность; 3) с содержательной стороны притча отличается тяготением к глубинной «премудрости» религиозного или моралистического порядка, с чем связана; 4) возвышенная топица» [3, 305].

Цель нашей статьи – анализ синтаксиса авторского притчевого текста. Синтаксис является необходимой организующей частью структуры текста, именно в нем писательский почерк проявляется наиболее отчетливо и «зримо».

Проанализируем притчевый текст В. Распутина.

Матеру, и остров и деревню, нельзя было представить без этой лиственницы на поскотине. Она возвышалась и возглавлялась среди всего остального, как пастух возглавляется среди овечьего стада, которое разбрелось по пастбищу. Она и напоминала пастуха, несущего древнюю сторожевую службу. Но говорить «она» об этом дереве никто, пускай пять раз грамотный, не решался; нет, это был он, «царский лиственень» – так вечно, могуче и властно стоял он на бугре в полверсте от деревни, заметный почти отовсюду и знаемый всеми. И так, видно, вознесся он, такую набрал силу, что решено было в небесах для общего порядка и размера окоротить его – тогда и грянула та знаменитая гроза, в которую срезало молнией «царскому лиственню» верхушку и кинуло ее на землю. Без верхушки лиственень присел и потратился, но нет, не потерял своего могучего, величавого вида, стал, пожалуй, еще грозней, еще непобедимей. Неизвестно, с каких пор жило поверье, что как раз им, «царским лиственем», и крепится остров к речному дну, одной общей земле, и покуда стоять будет он, будет стоять и Матера. Не в столь еще давние времена по большим теплым праздникам, в Пасху и Троицу, задабривали его угощением, которое горкой складывали у корня и которое потом собаки же, конечно, и подбирали, но считалось: надо, не то лиственень может обидеться. Подати эти при новой жизни постепенно прекратились, но почтение и страх к наглавному, державному дереву у старых людей по-прежнему оставались. На это, верно, имели свои причины.

Толстые огромные ветви отходили у «царского лиственя» от ствола не вверх наискосок, как обычно, а прямо в стороны – будто росли вбок самостоятельные деревья. Самая нижняя такая ветка одиноко висела метрах в четырех от земли и издавна звалась «Пашиным суком»: когда-то на нем повесилась слупа от несчастной любви молодая материнская девка

Паши. Колчаковцы, захватив остров, слыхом не слышали про Пашу, однако сук ее сумели как-то распознать и именно на нем, не на каком другом, вздернули двух своих же, из собственного воинства, солдат. Чем они провинились, толком в Матере никто не знал. Весь день, наводя небывалую жуть на старых и малых, торчали висельцы на виду у деревни, пока мужики не пошли и не попросили ради ребятишек вынуть их из петли. Мертвых, их предали тогда еще и другой казни: сбросили с яра в Ангару.

И последняя, уже совсем безвинная смерть случилась под «царским лиственем» после войны: все с того же «Пашиного сука» оборвался и захлестнулся мальчишка, Веры Носаревой сын. Только после того, а надо бы куда раньше, догадались мужики отсечь сук, а ребятишки сожгли его.

Вот сколько всяких историй связано было с «царским лиственем».

(В. Распутин. Прощание с Матерой)

Сложное синтаксическое целое делится на четыре абзаца. В смысловом плане притча распадается на две строфы. При этом деление ССЦ на строфы не соответствует абзацному делению.

Первая строфа – описание «царского лиственя», гроза.

Вторая строфа – история задабривания лиственя, история несчастной Паши, преступление колчаковцев, гибель сына Веры Носаревой.

Первая строфа по типу речи является описанием. Первое предложение в строфе простое, оно осложнено приложением (*и остров и деревню*) и представляет объект речи – Матеру. Уточняющее приложение не только объясняет географическое название (*Матера*), но и конкретизирует, что это единое целое – деревня и остров.

Следующие два предложения (СПП с несколькими придаточными и ПП, осложненное причастным оборотом) связаны с первым параллельной связью, наблюдается анафора: каждое предложение начинается с подлежащего, выраженного личным местоимением *она*. В СПП однородные простые глагольные сказуемые (*возвышалась, возглавлялась*) указывают на исключительность лиственя. В предложениях разного типа формируются образ лиственя, который сравнивается с пастухом. Сравнение создается разными синтаксическими средствами. В СПП – придаточным предложением образа действия (*как пастух возглавляется среди овечьего стада*), в ПП – причастным оборотом (*несущего древнюю сторожевую службу*).

Следующее предложение (БСП) связано с предыдущими противительным союзом (*но*), который не только соединяет предложения, но и противопоставляет понятия *лиственень* и *лиственница*. Главное дерево на Матере – лиственница – не «она», а «он» – *лиственень*. БСП состоит из четырех предикативных единиц. Три из них осложнены: первая предикативная единица осложнена уточняющим определением (*пускай пять раз грамотный*), третья – приложением («*царский лиственень*»), четвертая – однородными обстоятельствами образа действия (*вечно, могуче и властно*) и однородными причастными оборотами (*заметный почти отовсюду и знаемый всеми*).

В последующих за БСП предложениях просматривается тенденция в нарушении прямого порядка слов. Инверсия связана с препозицией сказуемого (*был он, стоял он, вознесся он, грянула гроза, будет стоять он, будет стоять и Матера, повесилась девка, торчали виселицы, оборвался и захлестнулся мальчишка, догадались мужики*). Стоящие перед подлежащим сказуемые создают эффект активности лиственя. Это не дерево, а полноправный обитатель острова. Вся жизнь островитян вращается вокруг него, как вокруг оси, на которой держится весь остров.

Значительна роль однородных и неоднородных определений, при помощи которых создается описание древнего дерева: *древняя сторожевая, заметный и знаемый; могучий, величавый; наглавное, державное*. Определения выражены причастиями и прилагательными – все они формируют экспрессивно-поэтический, мифопоэтический образ лиственя, древа жизни.

В состав БСП входит безличное предложение со сказуемым *нет*. Эта синтаксическая конструкция повторяется в шестом предложении, являющемся сложным предложением с разными типами связи. Повтор безличного предложения (*нет*) указывает на присутствие автора в тексте притчи и подчеркивает бесспорность и укорененность предания о листвене. Подобных безличных предложений, входящих в состав сложных предложений, в притче несколько: *надо, считалось, неизвестно*. Они выполняют ту же функцию – указывают на автора и не допускают иного отношения к «царскому лиственю».

В описательную часть притчи органично (через союз *и*) включается повествование о «знаменитой грозе»: «*И так, видно, вознесся он...*». Динамизм происходящему придают однородные сказуемые (ПГС – *грянуло, срезало, кинуло, пришел, не потерял* и СИС – *стал грозней, непобе-*

димей), через которые воссоздается не только мощное явление природы, но и могущество не сдавшегося лиственя.

В разные синтаксические конструкции ССЦ (ССП, СПП, ПП) включены вводные слова (*важно, пожалуй, видно, верно*) со значением предположения, неуверенности, возможности. Вместе с безличными предложениями (*надо, считалось, неизвестно*) вводные слова указывают на присутствие автора в тексте притчи, его отношение к лиственю.

В первой строфе употреблены односоставные безличные предложения в рамках сложных предложений (общее количество – 6) и два неопределенно-личных предложения (*Не в столь еще давние времена по большим теплым праздникам, в Пасху и Троицу, задабривали его угощением, которое горкой складывали у корня*). Все указывает на традиционность, неизменность островитян в их отношении к лиственю (*неизвестно, с каких пор; не в столь еще давние времена*). Намеренно не указаны субъекты действия (*решено было, задабривали, считалось*). Все во все времена относились к дереву, словно к святыне, потому что им держалась Матера. С его концом придет конец и Матере.

Ко второй строфе приложимы характеристики повествовательного текста: «*Неизвестно, с каких пор...*». Строфа начинается со сложного предложения с разнотипной связью – сочинительной и подчинительной. Такой тип предложений характерен для второй строфы в целом. Они воссоздают яркие и страшные, какие-то мистические картины смерти. Другой тип сложных предложений (БСП) объясняет (*когда-то на нем повесилась сглуна от несчастной любви молодая материнская девка Паша*) причину трагедии или повествует о том, как мертвых не предают земле, а подвергают их еще одной, уже совершенно бессмысленной казни (*Мертвых, их предали тогда еще и другой казни: сбросили с яра в Ангару*). Завершает притчу бессоюзное сложное предложение со значением пояснения. В предложении сообщается, что с лиственем связана еще одна безвинная смерть, случившаяся после войны: «*... все с того же «Пашиного сука» оборвался и захлестнулся мальчишка, Веры Носаревой сын*».

В притче рассказана история нескольких поколений: давнее прошлое, гражданская война, события после Великой отечественной войны.

Однако акцентируется в притче история времен гражданской войны: бесчинства колчаковцев. В сложноподчиненном предложении с

придаточным времени: «*Весь день, наводя небывалую жуть на старых и малых, торчали висельцы на виду у деревни, пока мужики не пошли и не попросили ради ребятишек вынуть их из петли*» – создается эффект почти бесконечной продолжительности страшного события. Словно казнь длилась целый день.

Предложения второй строфы связаны параллельной связью, однако это их не разобщает, так как итогом всей строфы стало обобщение, оформленное в простое предложение, в котором сообщается, что вот столько разных историй было связано со «старым лиственем».

Во второй строфе отсутствуют вводные слова со значением предположения. Здесь автор повествует о событиях недавнего прошлого, возможно, свидетелем которых был он сам или знал людей – свидетелей событий.

Концовка притчи лишена нравоучения. Оно полностью растворено в притчевом тексте: стоит земная твердь, осью которой является «дерево жизни». Все события людской жизни связаны с землей и «древом»: было прошлое, есть настоящее, а есть ли у всего этого будущее?

Синтаксис авторской притчи отличается эмоциональностью и экспрессией, об этом свидетельствуют риторические вопросы, многоточие, использование оксюморона (*зловещий бедолага*), уточняющих определений (*пускай пять раз грамотный*), инверсии.

Среди однородных членов предложения в авторской притче функционируют не только сказуемые, но и однородные обстоятельства образа действия (*вечно, могуче и властно*) и однородные обособленные или необособленные определения, выраженные причастными оборотами (*заметный почти отовсюду и знаемый всеми*).

В авторской притче значительна роль бессоюзных сложных предложений. В притче о листвене в БСП передается основная мысль: главное дерево на Матере – лиственница – не «она», а «он» – листвень.

Бессоюзное сложное предложение, как правило, содержит итоговую мысль, вывод, однако семантика БСП размытая, поэтому этот тип сложных предложений способствует формированию смыслового подтекста.

Рассказчик, повествующий о листвене, озабочен будущим острова и его обитателей, судьбой «царского лиственя», поэтому он настойчиво проводит мысль о связанности судеб острова, людей и дерева. Их сила в единстве. В повествовании рассказчика листвень одушевлен, без него не обходится ни одно событие. Это центр мироздания, дерево жизни. Листвень – сквозной образ притчи, этот образ и организует притчевый текст.

Наличие всех типов связи в авторской притче – сочинительной, подчинительной, бессоюзной, присоединительной, пояснительной, градационной – свидетельствует о сложности синтаксиса такой притчи. О том же свидетельствует и неоднократное использование вводных слов, вставных конструкций (ПП, осложненных СП), инверсии, однородных сказуемых, однородных второстепенных членов предложения.

Синтаксическое движение внутри строфы точно соответствует движению и развитию художественной мысли авторской притчи.

Концовка авторской притчи лишена нравоучения. Оно полностью растворено в притчевом тексте. Авторская притча не поучает, а приглашает подумать, поразмышлять.

Итак, притчи, широко представленные в памятниках Древней Руси, стали заметным явлением литературного творчества и современных писателей. Современные авторы намеренно включают притчи в художественные тексты, так как они помогают раскрыть суть самих произведений, ответить на основные вопросы, поставленные автором. Притча расширяет рамки текста, выводя поставленные в ней проблемы на общечеловеческий план.

Изучение синтаксиса притчевого текста писателя является одним из путей проникновения в структуру «образа автора», путей, помогающих проникнуть в его творческую лабораторию, выявить особенности его писательского почерка. Авторская притча В.Распутина в аспекте синтаксической организации отличается гибкостью и вариативностью, которая создается использованием разнообразных синтаксических конструкций, включая и конструкции экспрессивного синтаксиса.

Литература

- 1 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.
- 2 Давыдова Т.Т., Пронин В.А. Басня и притчи // Литературная учеба. – 2003. – № 3. – С. 195-197.

- 3 Аверенцев С.С. Притча // Литературная энциклопедия. Словарь. – М., 1987.
- 4 Распутин В. Повести. – М., 1980.

References

- 1 Lihachev D.S. Poehtika drevnerusskoj literatury. – М.: Nauka, 1979.
- 2 Davydova T.T., Pronin V.A. Basnya i pritchi // Literaturnaya ucheba. – 2003. – № 3. – S. 195-197.
- 3 Averencev S.S. Pritcha // Literaturnaya ehnciklopediya. Slovar'. – М., 1987.
- 4 Rasputin V. Povesti. – М., 1980.